УДК 821.161.1–31 (091)
821.131.1–31 (091)
ББК 83. 3 (2=411.2)52–8 Достоевский Ф. М.
83.3 (4Фра)53–8 Фурнье А.

Маргарита Викторовна Дубинская,
старший преподаватель,
Институт иностранных языков
Петрозаводского государственного университета
(185910, Россия, Карелия,
г. Петрозаводск, пр. Ленина, 29)
e-mail: france@petrsu.ru

Детские сообщества у Ф. М. Достоевского и в романе Алена-Фурнье «Большой Мольн»

Тема влияния творчества Ф. М. Достоевского на круг французских писателей-модернистов изучена достаточно хорошо, прежде всего, в аспекте этого влияния на творчество писателя, литературного критика и литературоведа Андре Жида. Впервые эти влияния изучаются на материале романа Алена-Фурнье «Большой Мольн». Также впервые избирается для сравнительного анализа тема детских сообществ, организованных по типу «духовной семьи». Выявляется сходство структур детских сообществ у обоих писателей, сходство характеров, возрастное сходство, сходство образовательного уровня, духовное сходство лидеров детских сообществ. Также выявляется сходство нравственных изменений в душе героя-подростка в ходе общения с лидерами сообществ. В статье анализируются причины выявляемого сходства характеров персонажей и ситуаций, и делается вывод, что оно вызвано как влиянием поэтики Достоевского, так и типологическим единообразием. В свою очередь, типологическое единообразие объясняется близостью духовных типов персонажей Достоевского и Алена-Фурнье. Полифоническая структура романа Алена-Фурнье заимствует полифонию романа Достоевского, а именно: полифоничность сознания героев, наличие троичного диалога, а также возникновение пятиступенчатых конклавных ситуаций, свойственных романной поэтике Достоевского. Используется методология литературоведческого анализа с новейшими подходами, принимающими во внимание культурологические реалии и лингвистические особенности французского языка. Рассмотренные художественные особенности романа позволяют сделать вывод о возможности отнесения романа «Большой Мольн» к литературе для взрослых. Данный вывод ставит под сомнение традиционно принятое во Франции отнесение романа Алена-Фурнье к произведениям детской литературы, поскольку природа полифонического романа соответствует уровню диалогичности сознания героя взрослой литературы.

Ключевые слова: детское сообщество, духовная семья, типологическое сходство, полифоничность сознания героя, поэтика полифонического романа, конклавная ситуация, троичная форма полифонического диалога.

Margarita Viktorovna Dubinskaya,
Senior Teacher,
Institute of Foreign Languages,
Petrozavodsk State University
(29 Lenin Ave., Petrozavodsk, Karelia, Russia)
e-mail: france@petrsu.ru

Childish Associations in the Work by F. Dostoyevsky and in the Novel by Alain-Fournier «The Big Meaulnes»

The idea of Dostoevsky's influence on French scribers-modernists is well learned, especially in the aspect of influence on the writer, the literature critic and the philologist Andre Gide. For the first time this influence is examined on the example of the novel by Alain-Fournier "The Big Meaulnes", and the theme of the childish associations, organized like a "spiritual family", is taken for the comparative analysis. Firstly, the resemblance of the

© М. В. Дубинская, 2014

structures of childish associations, the characters and the ages, the educative level and the spiritual resemblance of the childish association's leaders are revealed. Secondly, the resemblance of the moral changes in the of hero-teenager's soul as a result of his contacts with the childish association's leaders is also revealed. The article analyses the reasons of the characters and situations resemblance, and comes to the conclusion that it can be result both of Dostoyevsky's influence and the typological similarity. Consequently, the typological similarity can be explained by the similarity of the spirituals types of the personages created by Dostoyevsky and Alain-Fournier. The polyphonycal structure of the novel by Alain-Fournier takes the polyphony of Dostoevsky's novel. For example, the polyphony of the hero's consciousness, the triple-based dialogue, and the presence of five-parted conclave's situations, typical for the poetic of Dostoevsky are revealed. The author uses the methodology of literary analysis and the new approach, using the cultural facts and the linguistic peculiarities of the French language. Consequently, the artistic peculiarities of the novel allow relating the novel «The Big Meaulnes» to the literature for adults, but not for children. This conclusion opposes to the French philological tradition to relate this novel to the literature for children, because the polyphony relates to the level of the dialogic consciousness, typical for an adult person.

Keywords: childish association, spiritual family, typological resemblance, polyphony of the hero's consciousness, poetics of the polyphonycal novel, conclave's situation, triple-based form of the polyphonycal dialogue.

В статье впервые в литературоведении предметом сравнительного анализа становятся детские сообщества, описанные в произведениях Ф. М. Достоевского и в романе французского писателя-модерниста Алена-Фурнье «Большой Мольн». Продолжая исследования проблем влияний Достоевского на произведения французского модернизма [3, с. 121–127], мы предпринимаем попытку установления наличия связей между романным принципом полифонии Достоевского и художественными особенностями названного романа Алена-Фурнье. В случае наличия полифонии в романе «Большой Мольн» он должен быть выведен из рамок детской литературы, к произведениям которой его относят во Франции. Как пишет болгарский исследователь Маргарита Терзиева: «Некоторые наиболее известные («взрослые» – М. Д.) классики XX в. являются авторами популярных книг для детей и юношей. Среди них Морис Дрюон, Поль Элюар, Марсель Эме, Андре Моруа, Жак Превер…» [9, с. 171]. В этот перечень можно добавить имя Алена-Фурнье, современника многих из перечисленных авторов. Поскольку полифонизм диалога возникает на достаточно высоком, психологически взрослом уровне развития сознания, то и литература, отражающая этот принцип – взрослая. Полифоническая множественность взглядов-позиций является закономерным результатом социализации ребёнка. Кроме того, если персонажи Достоевского в детском сообществе «обретают новое, высшее по сравнению с кровным родством, – родство духовное» [6, с. 33], то и у Алена-Фурнье взрослые лидеры объединяют детские коллективы, возникшие стихийно и без участия нравственного начала, в сообщества по типу «семьи» в духовном смысле слова.

Существует целый ряд совпадений в описании групп детей и подростков у русского и французского писателей. Если сравнивать роман «Братья Карамазовы» и роман «Большой Мольн», то очевидна близость возраста детей и возраста их нравственных лидеров – Алёши Карамазова и Огюстена Мольна, прозванного Большим Мольном. Эти группы состоят из учащихся начальных и средних классов провинциальной прогимназии в России второй половины XIX в. и деревенской средней школы конца XIX в. во Франции. Образовательный уровень обоих учебных заведений очень близок. Возраст детей примерно от десяти до четырнадцати лет в романе Достоевского, и от пятнадцати до шестнадцати лет – в романе Алена-Фурнье. Лидерам обоих детских сообществ по восемнадцать лет. В обоих случаях мы имеем дело с типом героя-подростка.

В науке о Достоевском выявлен и подробно описан этот «тип героя подростка, паспортный возраст которого не имеет существенного значения» [7, с. 98], маркированный прозвищем Подросток, поскольку, как говорит М. М. Бахтин, «подлинное прозвище <…> по-особому связано с временем: оно фиксирует в нём момент смены и обновления» [4, с. 147–148]. «Момент смены и обновления» становится предметом

художественного исследования в романе «Большой Мольн», заглавие которого одноимённо прозвищу главного героя так же, как у Достоевского прозвище главного героя одноимённо названию романа «Подросток». Оба лидера воспитывались в неполных семьях: Алёша вырос без матери, Большой Мольн – без отца. Обе группы до появления почти взрослых лидеров имели других неформальных лидеров из числа таких же подростков – Колю Красоткина и Жасмена Делуша. Красоткин и Делуш тоже выросли в неполных семьях, они дети вдов. Совпадение в описание внешности: Коля Красоткин мал ростом, Делуш – самый маленький в классе. Ещё одно совпадение: Коля Красоткин обучает различным трюкам дворняжку Жучку (Перезвона), а Жасмен Делуш дрессирует беспородную собаку Бекали. Обе компании подростков в свободное от учёбы время находят сомнительные приключения. Даже фамилии первоначальных лидеров детских сообществ имеют сходство в их «говорящем» характере. Красоткин ложится между рельсами железной дороги под проходящий поезд, красуясь бесстрашием с риском для жизни: «Красоткин <…> очень не прочь был пошалить при всяком удобном случае, <…> порисоваться» [1, с. 463]. Фамилия Делуш (Delouche) означает «подозрительный человек, тёмная личность» [12, с. 999], а её носитель развлекается тем, что вовлекает своих товарищей в мелкое воровство и пьянство. Делуш тоже хвастун, он «изображал из себя мужчину» и «бахвалясь, повторял всё, что слышал от игроков в бильярд и от тех, кто пил вермут» [10, с. 49][1].

Совпадает и центрированная топика местожительства Красоткина и Делуша. Коля живёт недалеко от единственной площади провинциального городка Скотопригоньевска, а Делуш с матерью-трактирщицей обитает в центре Сент-Агат, поскольку трактиры в маленьких городках Франции обычно находятся на центральной площади. В некоторой степени такая топика предопределяет лидерское положение обитателей центра по отношению к детям, живущим в других частях города и за его пределами.

Что касается Мольна, занявшего место Делуша, он лишён недостатков прежнего лидера, но поначалу охотно разделяет привычное для школьников времяпровождение. Фамилия Мольна (Meaulnes) тоже имеет «говорящий» характер. Её французская орфография отражает архаичное написание звука [o] при помощи трифтонга eau, а также имеет конечное –s, указывающее на архаичный косвенный падеж. Такое написание свидетельствует о древних родовых корнях семьи, и, косвенно, о верности традиционным нравственным устоям. В эпоху французской революции орфография многих фамилий упрощалась из-за страха их носителей быть обвинёнными в аристократическом происхождении и приверженности монархии. Однако предки Мольна в те времена не предали память о собственных родовых корнях. В отличие от Жасмена Делуша, который помадит волосы, изображая взрослого горожанина, Огюстен Мольн стрижётся наголо, как это было принято в крестьянской среде. Он держится за крестьянское обличье, хотя семья его уже разбогатела, недавно получив наследство, и уже в двух поколениях перешла из крестьянского сословия в сословие деревенской интеллигенции: отец и дед Мольна были сельскими учителями. Первое, о чём попросил Мольн свою мать, получившую наследство, приобрести здание школы, в которой проработал более двадцати лет его покойный отец. Это свидетельствует о его приверженности семейным традициям и уважительном отношении к жизненному пути отца.

Количество и точность совпадений в романах обоих писателей заставляет предполагать наличие не только типологических параллелей, но и прямых влияний романа Достоевского на роман Алена-Фурнье. Тем более что ко времени создания романа Алена-Фурнье (1913) во Франции существовало два перевода романа «Братья Карамазовы» (сокращенный вариант 1880 г., полный вариант 1888 г.). Сам Ален-Фурнье родился в 1886 г. и с 1909 г. входит в круг близких друзей и единомышленников писателя и литературного критика Андре Жида, самого активного пропагандиста творчества Достоевского во Франции той эпохи, сказавшего о русском писателе: «Он был одним из тех редких гениев, которые прогрессируют от произведения к произведению, пока смерть внезапно не прервёт это восхождение» [11, с. 52]. В это время ближайший друг

[1] Здесь и далее перевод мой (прим. М. В. Дубинской).

и родственник Алена-Фурнье Жак Ривьер (муж его сестры), он же ближайший друг А. Жида, становится во главе литературного журнала Nouvelle Revue Fransaise (принятая аббревиатура NRF), объединившего передовых писателей и критиков, занятых поиском новых путей развития романного жанра. В журнале NRF и был впервые опубликован роман «Большой Мольн» (1913), в конце того же года изданный отдельной книгой. Прославивший автора роман вышел за несколько месяцев до безвременной кончины Алена-Фурнье, который, отказавшись от предлагаемой ему должности военного переводчика, служил рядовым солдатом взвода армейской разведки. В 1914 г., в возрасте 27 лет Ален-Фурнье был тем единственным бойцом взвода, который поднялся в атаку вместе с командиром и пал смертью храбрых. Этим трагическим обстоятельством объясняется тот факт, что «Большой Мольн» остался единственным крупным произведением автора.

Возвращаясь к тексту романа, нужно сказать, что в отношениях, складывающихся между Мольном и Делушем, традиционная нравственность вступает в диалог с неправильно понятым идеалом свободы. Полифонический диалог разделяет сознание Мольна: какая-то часть его души поначалу соглашается с «голосом» Делуша, влекущим к преступным развлечениям, другая отвергает эти развлечения и откликается на «голос» его лучшего друга Франсуа Сёреля, который никогда не принимал участия в хулиганских проделках подростков. Позиция, или «голос» Мольна колеблется между позицией Делуша и позицией Франсуа. Наблюдается тройственная полифония, или «триалог» Достоевского [7, с. 171]. «Триалогом» В. В. Иванов обоснованно называет взаимодействие трёх «голосов-позиций»: персонажа, господа бога (истины), «оппонента» господа бога. В этом случае к трём нравственным голосам-позициям сводима вся полифония художественной вселенной Достоевского. Полифонично и сознание Делуша, «голос» которого способен примыкать к тому или иному господствующему мнению. Поначалу он отражает мнение своих товарищей по развлечениям. Позже, когда поездка Мольна в замок обернётся неприятностями для жителей деревни, Делуш начнёт выражать неблагоприятное для Мольна общественное мнение, обретая несвойственное ему благоразумие. Ещё позже, когда Мольн уезжает в Париж, голос семнадцатилетнего к этому моменту Делуша примыкает к голосу-позиции Мольна. Возвращая себе статус лидера, он использует нравственную шкалу ценностей, заданную ему Большим Мольном. Если поначалу следование положительному образцу и не меняет характер этого персонажа, то оно правильно выстраивает его поступки.

Отличие ведущей роли Алёши Карамазова от роли Большого Мольна заключается, прежде всего, в том, что Алёша сам имел духовного наставника в лице старца Зосимы. Поэтому его внутренние колебания связаны лишь с выработкой личного отношения к факту наличия различных, в том числе весьма спорных, оценок, связанных со смертью старца Зосимы и не касаются общения с детьми. Другое отличие в том, что с самого начала знакомства нравственный пример Алёши признаётся прежним неформальным лидером детей Колей Красоткиным, а Делуш поначалу оспаривает лидерство Большого Мольна. Поведение самого Большого Мольна изменилось ещё до его отъезда в Париж. Духовная природа нового лидера, заменившего Делуша, изначально была другой, поэтому Большой Мольн лишь на короткое время поддаётся общему настроению и следует модели поведения группы подростков. Далее Мольн возвращается к собственной духовной природе, и это возвращение происходит во время Рождества – большого праздника «духовного календаря» (термин В. В. Иванова) художественного времени романа. Особенность поэтики Достоевского, которая выразилась в приурочивании поворотных событий романа к духовным праздникам, ярко проявляется и в романе Алена-Фурнье. Большой Мольн, в результате очередной шалости, ставшей последней шалостью его детства, заблудился. Ночная дорога выводит его к празднично иллюминованному замку, где празднуется помолвка сына хозяина в дни Адвента. То, что мы называем предрождественскими днями, у французов называется Advent, период ожидания прихода в мир Христа, а это отнюдь не время, принятое во Франции для помолвок. Эти дни имеют во Франции также дохристианскую символику, связанную с на-

родным праздничным календарём кельтов. По народным представлениям в это время на земле под видом людей и животных появляются представители других миров, известные мифологии и фольклору, которые вмешиваются в людские дела.

Праздник помолвки проходит в форме детского маскарада, что снова противоречит условностям. В период Адвента не принято устраивать никаких маскарадных действ. Народная традиция тоже отвергает маскарад в этот период, поскольку под масками на праздник могут явиться упомянутые выше существа иных миров и принести людям беду. За нарушением обычая действительно последовали несчастья, обрушившиеся на семью де Галле. На связь с фольклором творчества Достоевского указывал Д. С. Лихачёв: «Поэтика Достоевского и её динамическое развитие связано с художественным миром русской сказки» [8, с. 79]. Поэтика романа Анри-Фурнье тоже связана с художественным миром народной сказки. С точки зрения народных представлений, лошадь Большого Мольна не сбилась с дороги, а привезла его точно по адресу в то место, где начнётся изменение его жизни согласно схеме волшебной сказки. Что касается праздника в замке, то его организует жених и его сестра Ивонна, встреча с которой становится причиной начала духовного возрождения главного героя романа.

Композиция романа «Большой Мольн» кольцевая, его структура опирается на два конклава, происходящих во время праздников: первый – помолвка Франца де Галле с Валентиной Блондо в замке во время Адвента и спустя два года – сельский праздник в деревне. Взаимоотношения Мольна с Ивонной, как и Мольна с Францем де Галле, а вместе с ними и сюжетные линии завязываются на первом празднике. В дальнейшем и другие герои окажутся вовлечёнными в эти связи. На втором празднике происходит вторая встреча Мольна с Ивонной и наступает кульминация, внутри которой начинается развязка сюжета, позже завершившаяся свадьбой героев. Описание обоих праздников вполне соответствует определению конклава, данное Л. П. Гроссманом: «исключительные собрания с важными задачами и непредвиденными осложнениями», которые зачастую сопровождаются «внезапной исповедью-обличением» [5, с. 344–345]. Приём скандального схода персонажей, характерен для произведений Достоевского, где он служит толчком для развития действия: «Действие развивается путём скандалов… События происходят неожиданно, вдруг, непредвиденно» [8, с. 84]. У Достоевского конклавы также нередко связаны с праздниками: день рождения Настасьи Филипповны («Идиот»), благотворительный праздник в пользу гувернанток («Бесы»). Конклавные ситуации у Алена-Фурнье имеют ту же сложную структуру, что и конклавы Достоевского. Они соответствуют пятиступенчатой структуре конклава, описанной В. В. Ивановым на материале произведений Достоевского, и развившего описание трёхчастной структуры конклава, принадлежащее Л. П. Гроссману [7, с. 185–191].

Первый праздник – помолвка, а «одной из действующих сил, влекущих героев к месту конклава, являются матримониальные устремления» [7, с. 186]. Гости съезжаются в усадьбу Саблоньер, испытывая любопытство от некоторой заведомой скандальности происходящего. Жених, Франц де Галле, славится своей эксцентричностью. Удивление гостей вызывает время и форма проведения помолвки. Невесту никто не знает, однако известно её низкое социальное происхождение – она дочь ткача и неровня сыну аристократа-помещика. Её репутация до знакомства с Францем также вызывает вопросы: по какой-то причине отец девушки выгнал её из дома. Уже на первой фазе «схода персонажей» ощущается потенция скандала. Вторая фаза конклава характеризуется «сжатием атмосферы общения до предела» [7, с. 186]. Недоумение гостей нарастает по мере того, как молодая чета медлит с появлением. Наконец проходит слух, что невеста не появится (параллель эпизоду несостоявшегося венчания Мышкина и Настасьи Филипповны в «Идиоте»). Наступает третья фаза конклава – «взрыв». Он сопровождается исповедью несостоявшегося жениха. Эта исповедь звучит не публично, как это бывает у Достоевского. Здесь она обращена к случайному слушателю Мольну. Ни французский автор, ни его герой, ни читатель не приняли бы такого нарушения культурных норм как публичная исповедь. Так или иначе, исповедь имеет место.

Именно во время неудавшейся помолвки Франца де Галле автор сводит Большого Мольна с Ивонной, девушкой его мечты. Именно её Мольн представлял в детстве, видел во сне в некоем замке. Этот сюжетный поворот можно рассматривать в качестве параллели эпизоду встречи князя Мышкина с Настасьей Филипповной в романе Достоевского «Идиот»: « – Где вы меня видели прежде? Что это, в самом деле, я как будто его где-то видела? <…>

– Я ваши глаза точно где-то видел… Да этого быть не может! Это я так… Я здесь никогда и не был. Может быть во сне…» [2, с. 112].

А вот слова Ивонны, обращённые к Мольну: «Кто вы? Что вы здесь делаете? Я вас не знаю. И всё же мне кажется, что я знаю вас» [10, с. 88–89]. После исповеди де Галле конклав вступает в четвёртую фазу, центростремительную: напряжение спадает, гости в спешке разъезжаются.

Франц де Галле, оставив отчий дом, неудачно пытается покончить с собой, после чего присоединяется к труппе бродячих актёров. Его невеста Валентина всю зиму скрывается по соседству с замком, в деревне, под видом служанки в доме крестьян. Весной она уезжает в Париж, надеясь затеряться в огромном городе. Мольн, уезжая из поместья Саблоньер ночью, не смог проследить обратного пути. Позже он безуспешно пытается разыскать утраченную дорогу в поместье, чтобы продолжить знакомство с Ивонной де Галле. В поиски Ивонны вовлекается его друг Франсуа Сёрель. Мольн уезжает в Париж, надеясь найти Ивонну в парижском доме де Галле. Семья де Галле разоряется, умирает госпожа де Галле, поместье уходит за долги, а Ивонна с отцом живёт неподалёку от замка в маленьком домике, оплакивая пропавшего брата и едва сводя концы с концами.

Но те же силы, «высвобожденные в результате “взрыва”», которые разлучают героев после конклава, позже «сводят их вместе для иного уровня общения», что является пятой фазой конклава [7, с. 190]. В Париже Мольн случайно знакомится с Валентиной, а после того, как до него доходит ложный слух о замужестве Ивонны, делает Валентине предложение, не зная о её статусе бывшей невесты Франца. Тем временем Франсуа Сёрель узнаёт от Делуша местоположение таинственной усадьбы и сообщает об этом Мольну. Известие застаёт Мольна в то время, когда он обдумывает решение жениться на Валентине. Идея женитьбы диктуется голосом «оппонента», но голос истины говорит ему, что эта девушка предназначена не ему: «Моя жена, Валентина, моя жена… и каждый раз глухо произнося это слово, <…> он чувствовал, что совершает ошибку» [10, с. 261]. Тот же голос истины терзает и Валентину воспоминаниями о покинутом женихе. Голос истины убеждает Франсуа Сёреля сделать всё возможное для воссоединения пары единственных друг для друга – Ивонны и Огюстена Мольна. Этот голос изменяет и самого Франсуа. Из «несчастного, мечтательного и скрытного ребёнка», которому столько беспокойства доставляло ранее больное колено, он становится «решительным, и как у нас говорили, “упёртым”», а его колено «навсегда перестаёт причинять боль» [10, с. 175]. Первая конклавная ситуация завязала узлы противоречий, которые могут быть развязаны только в ходе второго конклава.

Ради встречи Мольна и Ивонны, Франсуа со своим дядей организует деревенский пикник. Отправившись к Мольну, Франсуа застаёт его за сборами, на пороге путешествия, которым тот собирается окончательно подвести черту своим неудавшимся поискам. Вот их диалог:

«– Нужно, чтобы ты немедленно отложил твоё путешествие, – сказал я с нетерпением. – Пойдём, предупредим твою мать.

– Деревенский праздник?.. — спросил он меня, колеблясь. – Так ты действительно думаешь, что мне нужно туда ехать?..

– Но послушай! – воскликнул я, – это не обсуждается.

У него был вид человека, которого толкают в спину» [10, с. 198–199]. Собираясь отправиться на праздник, где должна быть Ивонна, Мольн шёпотом говорит своей матери, чтобы та не распаковывала его чемоданы, поскольку его отъезд в путешествие лишь откладывается, а не отменяется. Итак, в этом решающем диалоге в сознании главного героя сталкиваются две позиции, два голоса, один из которых соглашается, а другой противоречит позиции голоса Франсуа.

В первой фазе второго конклава подробно описывается съезд гостей, приезд девушки вместе с отцом и встреча молодых людей после почти двухлетней разлуки. Во второй фазе атмосфера заметно накаляется. По мере разговора Мольн и Ивон-

на отдаляются друг от друга, несмотря на все усилия Франсуа помочь им. Ситуация грозит «зависнуть» на неопределённый срок, поскольку голос «оппонента» почти полностью сливается с голосом героя, усиливая его сомнения. Однако автор романа вводит неожиданный сюжетный поворот. В третьей фазе конклава голос истины усиливается, гости начинают петь ту же песню, которую пели в поместье Саблоньер во время первого праздника неудавшейся помолвки. Эта старинная народная песенка «На мне красные башмачки – прощай навсегда, моя любовь» как раз сопровождала третью фазу первого конклава. Возникает своего рода межконклавная перекличка, межконклавный диалог. Песня становится внутренней причиной, производящей тот «взрыв» чувств, который вновь сближает души Мольна и Ивонны. Внешним предлогом для «взрыва» становится Белизер, старая лошадь Ивонны, неправильно привязанная Делушем и господином де Галле. В результате лошадь затягивает у себя на шее поводья и чуть не погибает. Мольн спасает её в последний момент.

Мольн бранит Делуша и отца Ивонны в присутствии самой девушки и сбежавшихся на шум людей. Эта конклавная сцена по принципу кольцевой композиции сводит вместе юношу и девушку после того, как в начале романа первый конклавный сход персонажей разлучил их. В четвёртой фазе конклава гости разъезжаются с пикника. Образ Белизера – последнее звено духовной цепи, связывающей впечатлительную душу Мольна с его полудетскими впечатлениями и воспоминаниями, порвалось. Во внутреннем диалоге Мольна побеждает голос нравственной позиции, и последним трагическим впечатлением, переполнившим его душу, становится страдание старой лошади, бывшей заключительным символом первого праздника в замке. Прощаясь с ней, он прощается с детством, и Франсуа впервые видит, что его друг плачет. Мольн, покинувший праздник после скандала с лошадью, возвращается с дороги обратно и просит руки Ивонны. Огюстен Мольн женится на Ивонне, герои сведены вместе, но уже для общения на ином уровне.

Тем не менее, в романе Фурнье, как и у Достоевского, «в некоторых произведениях имеется дополнительная пятая фаза конклавного действия, когда в результате уравновешивания ранее противоречиво взаимодействующих сил возникает иной масштаб изображения лиц и событий. <…> появляется, как правило, в эпилогах больших романов» [7, с. 190–191]. Свадьба Мольна не уравновешивает взаимодействие сил в романе, поскольку вторая пара, Франц де Галле и Валентина Блондо, разлучена. Вскоре после свадьбы Мольн уезжает на их поиски. Через полтора года он привозит в родные места брата Ивонны и Валентину, женатых и счастливых. Казалось бы, желанное равновесие достигнуто. Но возвращение Мольна отягчено известием о смерти Ивонны в родах, и он едва не сходит с ума, однако Франсуа Сёрель показывает ему его дочь, пришедшую в мир ценой жизни Ивонны: «Я понимал, что маленькая девочка, наконец, нашла в нём спутника, которого она смутно ожидала <…> и я уже воображал, как ночью, завернув свою дочь в плащ, он отправлялся вместе с ней навстречу новым приключениям» [10, с. 273]. В финале романа возникает новый масштаб изображения событий, когда смерть более не является трагедией, если ценой одной жизни в мир приходит ребёнок – символ надежды на будущее. Мольн обретает спутницу своих будущих странствий.

Следует признать, что поэтика полифонического романа Достоевского оказала влияние на творчество Алена-Фурнье при разработке темы духовной жизни детского (подросткового) сообщества, поэтики композиционного принципа конклава и тройственной полифонической основы диалога. К типологическим сходствам мы относим фольклорные и мифологические параллели. Что касается принятого во Франции отнесения романа «Большой Мольн» к разряду детской литературы, то проведённый анализ позволяет нам причислить «Большой Мольн» к явлениям взрослой литературы. Это роман о духовном процессе взросления подростка, завершающемся обретением кровной семьи через брак, возникший на основе опыта «семьи» духовной. Юридическая взрослость Франсуа и Мольна наступает только в конце романа, но взрослость души и сердца не только их, а всех героев первого ряда приходит гораздо ранее – это и позволяет рассматривать «Большого Мольна» в качестве романа для взрослых независимо от паспортного возраста читателя и персонажа.

Список литературы

1. Достоевский Ф. М. Полн.собр. соч.: в 30 т. Т. 15. / Под ред. Г. М. Фридлендера. Л.: Наука, 1976. 624 с.
2. Достоевский Ф. М. Полн.собр. соч. Канонические тексты. Т. 8. / Под общ. ред. проф. В. Н. Захарова. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2009. 848 с.
3. Дубинская М. В. [Пивдунен М. В.] Влияние Ф. М. Достоевского на детскую тему в романе Алена-Фурнье «Большой Мольн» // Проблемы детской литературы и фольклор: сб. науч. тр. / отв. ред. Е. М. Неёлов. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1999. С. 121–127.
4. Бахтин М. М. Дополнения и изменения к «Рабле» // Вопросы философии. 1992. № 1. С. 134–164.
5. Гроссман Л. П. Достоевский – художник // Гроссман Л. П. Творчество Достоевского. М.: Наука, 1959. С. 330–416.
6. Иванов В. В. Школа князя Мышкина: Тема детства в творчестве Ф. М. Достоевского: учеб. пособие. Петрозаводск: РИО КГПУ, 2002. 132 с.
7. Иванов В. В. Сакральный Достоевский: монография. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2008. 520 с.
8. Лихачёв Д. С. Внутренний мир художественного произведения // Вопросы литературы. 1968. № 8. С. 74–87.
9. Терзиева М. Т. Обращение к французским классикам XX века – творцам литературы для детей // Интерпретация текста: лингвистический, литературоведческий и методический аспекты: материалы VI междунар. науч. конф. ЗабГУ, 6–7 декабря 2013 / отв. ред. и сост. Г. Д. Ахметова. Чита: Изд-во ЗабГУ, 2013. С. 171–173.
10. Alain-Fournier. Le Grand Meaulnes. Edition du Progrиs. Moscou, 1971. 280 p.
11. Gide A. «Les Frиres Karamazov». Article йcrit avant la reprйsetation du drame de Jacques Coupeau et J. Crouй d'aprиs le roman de Dostonevski // Dostonevski par Andrй Gide. Paris, Gaillimard. 1981. P. 51–55.
12. Le Robert. Dictionnaire d'aujourd'hui. Langue franзaise, histoire, gйographie, culture gйnйrale / Rйdaction dirigйe par A. Rey. Paris, Dictionnaires Le Robert, 1991. 180 p.

References

1. Dostoevskij F. M. Poln.sobr. soch.: v 30 t. T. 15. / Pod red. G. M. Fridlendera. L.: Nauka, 1976. 624 s.
2. Dostoevskij F. M. Poln.sobr. soch. Kanonicheskie teksty. T. 8. / Pod obshh. red. prof. V. N. Zaharova. Petrozavodsk: Izd-vo PetrGU, 2009. 848 s.
3. Dubinskaja M. V. [Pivdunen M. V.] Vlijanie F. M. Dostoevskogo na detskuju temu v romane Alena-Furn'e «Bol'shoj Mol'n» // Problemy detskoj literatury i fol'klor: sb. nauch. tr. / otv. red. E. M. Nejolov. Petrozavodsk: Izd-vo PetrGU, 1999. S. 121–127.
4. Bahtin M. M. Dopolnenija i izmenenija k «Rable» // Voprosy filosofii. 1992. № 1. S. 134–164.
5. Grossman L. P. Dostoevskij – hudozhnik // Grossman L. P. Tvorchestvo Dostoevskogo. M.: Nauka, 1959. S. 330–416.
6. Ivanov V. V. Shkola knjazja Myshkina: Tema detstva v tvorchestve F. M. Dostoevskogo: ucheb. posobie. Petrozavodsk: RIO KGPU, 2002. 132 s.
7. Ivanov V. V. Sakral'nyj Dostoevskij: monografija. Petrozavodsk: Izd-vo PetrGU, 2008. 520 s.
8. Lihachjov D. S. Vnutrennij mir hudozhestvennogo proizvedenija // Voprosy literatury. 1968. № 8. S. 74–87.
9. Terzieva M. T. Obrashhenie k francuzskim klassikam XX veka – tvorcam literatury dlja detej // Interpretacija teksta: lingvisticheskij, literaturovedcheskij i metodicheskij aspekty: materialy VI mezhdunar. nauch. konf. ZabGU, 6–7 dekabrja 2013 / otv. red. i sost. G. D. Ahmetova. Chita: Izd-vo ZabGU, 2013. S. 171–173.
10. Alain-Fournier. Le Grand Meaulnes. Edition du Progris. Moscou, 1971. 280 p.
11. Gide A. «Les Frires Karamazov». Article jcrit avant la reprjsetation du drame de Jacques Coupeau et J. Crouj d'apris le roman de Dostopevski // Dostopevski par Andrj Gide. Paris, Gaillimard. 1981. P. 51–55.
12. Le Robert. Dictionnaire d'aujourd'hui. Langue franzaise, histoire, gjographie, culture gjnjrale / Rjdaction dirigje par A. Rey. Paris, Dictionnaires Le Robert, 1991. 180 p.

Статья поступила в редакцию 15.01.2014